

Л. А. Журавлева

L. A. Zhuravleva

**Учет в подготовке педагогов
профессионального обучения виктимизации молодежи
в городском пространстве**

**Vocational teacher training with regard to youth
victimization in an urban space**

***Аннотация.** Вводится понятие «социальная виктимизация», которое используется для анализа емкого круга социальных проблем, таких как агрессия, физическое и психологическое давление, трети́рование, манипулирование сознанием людей, нисходящая вертикальная мобильность, получение негативных статусов и др. Автором разрабатывается концепция виктимологической профилактики молодежи в городском пространстве, обосновывается необходимость обучения студентов ее основам.*

***Abstract.** The author introduces the concept of social victimization which is used for the analysis of a capacious sphere of social problems, such as aggression, physical and psychological pressure, maltreatment, manipulation of people's consciousness, descending vertical mobility, receiving negative statuses, etc. The author develops the concept of prevention of youth victimization in an urban space, and substantiates the need of training students in victimization prevention.*

***Ключевые слова:** молодежь, виктимизация, моббинг, буллинг, виктимологическая профилактика.*

***Keywords:** youth, victimization, mobbing, bullying, victimization prevention.*

Современный мир эпохи «постмодернити» становится все более непредсказуемым, опасным и неустойчивым, превращаясь в общество тотального риска и массовых отклонений. Социальные и экономические катаклизмы, террористические атаки, техногенные и экологические катастрофы принимают глобальные масштабы, поражая как цепная реакция одну за другой страны мира. Аномальность современного социума воспринимается как норма. Тотальная дестабилизация формирует фрагментацию социума и порождает феномен социальной эксклюзии и маргинализации социальной жизни. Нормы эволюционируют, превращаясь в ненормальные (с точки зрения культуры и здравого смысла) явления, порождая массовые

формы асоциального поведения: коррумпированность отношений и мышления, эгоцентризм, аморальность, бескультурье, цинизм. Вне действия моральной системы координат в обществе начинается процесс нормализации типичного асоциального поведения (патология нормальности), все большее количество аморальных поступков признаются нормальными, нарастает конфликтность норм различных социальных групп и общностей. Понятие нормального расширяется, глобализируется и виртуализируется. Социальная среда становится непредсказуемо опасной и хаотичной, а человек – потенциальной жертвой всевозможных деструктивных воздействий как со стороны глобальных обстоятельств (террористических актов, катастроф, пандемий), государства, так и ближайшего окружения. Вот почему нас заинтересовала проблема виктимизации человека в социуме.

Виктимология как особая дисциплина, изучающая жертв преступлений, процессы, этиологию и последствия виктимизации, зарождается в 40-х гг. прошлого века и связана с именами немецких ученых Ф. Вертама, Г. фон Ген-тига, Б. Мендельсона, Г. Шульца, Г. Элленбергера и др. [22, с. 346–349].

Термин «виктимизация» традиционно используется в криминологии для подчеркивания роли человека как активного участника криминального деликта и одного из субъектов процесса возникновения преступности. Жертва и преступник рассматриваются в контексте идей символического интеракционизма как равноправные партнеры символического взаимодействия, в котором от действий одного субъекта зависит итог коммуникации в целом.

По мнению Г. Блумера, криминальный акт может состояться только в случае, если один примет роль жертвы и начнет действовать в ее ролевом диапазоне, а другой утвердится в роли преступника со всеми вытекающими из этого последствиями [4]. В случае неправильной интерпретации действий партнера по криминальной ситуации или неприятия роли жертвы интеракция может не состояться, т. е. преступление не произойдет.

Такой подход показывает важность поведения человека в неординарных обстоятельствах при общении с социально опасными партнерами. Умение быть наблюдательным, владение искусством «читать человека как открытую книгу» и понимать намерения других людей, а поэтому избегать деструктивных ситуаций и конфликтов, предвидя их последствия, во многом могут защитить человека от опасности стать жертвой преступления.

Идея о том, что жертвами люди становятся в большинстве случаев не только под воздействием объективных условий, но и под влиянием субъективных факторов (социального и профессионального статуса, образования, уровня культуры, интеллекта, физического и психического здоровья, волевых качеств, характерологических особенностей человека, сформированных у него умений понимать психологию поведения других людей, вести переговоры, предвидеть и решать конфликтные ситуации и др.), стала основой науки виктимологии, изучающей и типологизирующей процесс становления человека жертвой преступления.

Мы предположили, что термин «виктимизация» может быть использован шире – для анализа более емкого круга социальных проблем, таких как агрессия, физическое и психологическое давление, третирование, манипулирование сознанием людей, нисходящая вертикальная мобильность, получение негативных статусов (безработного, изгоя, аутсайдера, нищего, больного и т. д.).

Весь спектр реальных и потенциальных влияний на человека мы обозначили термином «деструктивные воздействия». Такие воздействия очень разнообразны и отличаются по интенсивности и значимости для личности. Некоторые из них делают человека сильнее, а виктимный случай, произошедший единожды, дает бесценный опыт, позволяющий в дальнейшем избегать попадания в подобные и иные опасные ситуации. Другие деструктивные воздействия приводят к необратимым последствиям для психического и физического здоровья человека, а статус жертвы (неудачника, лузера) прикрепляется как клеймо и влияет на всю его последующую жизнь, снижая качество жизни и меня картину мира.

С позиции феноменологической парадигмы неформальные структуры и повседневные взаимодействия людей являются факторами, влияющими на создание жизненных и ситуационных правил и ритуалов поведения человека. Социальная реальность с феноменологической точки зрения структурируется индивидуальным восприятием и смысловой интерпретацией рутинных взаимодействий. Доминирование неформальных структур и ближнего окружения формирует рефлексивную (доопытную) установку и жизненный мир человека. Поскольку с детского возраста люди включены в формальные и неформальные структуры, важно проанализировать возникающие в них наиболее типичные виктимные ситуации.

Важно выделить два уровня формирования виктимного поведения: институциональный и неформальный. Основные институты социализации

личности (семья, образование, группы сверстников) можно рассматривать и как институты, и как малые группы со своими ценностями, смыслами, потребностями и интересами.

Кризисные явления института семьи, вызванные сексуальной, гендерной и семейной революциями, связывают с нарастанием отчуждения между членами семьи, ростом агрессии и жестокости по отношению к детям, дисфункциями социализации, формирующими комплекс жертвы и негативно влияющими на социальное поведение ребенка.

В детском дошкольном учреждении, а затем и в школе, средних и высших учебных заведениях негативная стигматизация может продолжиться и усилиться. В детских коллективах травля детей, в чем-то непохожих на других, – нормальное явление. Данные процессы получили названия *моббинг* (от англ. *mob* – толпа) и *буллинг* (от англ. *bully* – задира, запугивать). Они рассматриваются как опасный вид жесткого и агрессивного психологического или физического давления группы на личность, повсеместно встречающийся не только в детских, но и во взрослых коллективах. Случаи, когда какому-либо сотруднику (чаще всего талантливому, с наиболее высокими профессиональными и моральными качествами, выделяющими его из общей серой массы) создают невыносимую атмосферу в коллективе, третируя, унижая его и доводя до увольнения, стали носить массовый характер.

Буллинг и моббинг в молодежной среде – это деструктивное влияние на личность, основанное на физическом (избиение, мучение, насилие, удерживание силой, принуждение к неким действиям, вымогательство или открытый отъем денег и ценных вещей), эмоциональном (создание дискомфортной, негативной эмоциональной среды, провоцирующее чувство страха, тревоги), психологическом (систематическое унижение и угрозы расправы, презрительное отношение, бойкотирование, обзывание) воздействии на личность группового аутсайдера.

В детских и школьных коллективах явления травли одного из членов группы другими достаточно хорошо известны (вспомним фильмы «Чучело», «Класс», «Молчание до гроба» и др.). Жертвами моббинга и буллинга в школах традиционно становятся все выпадающие из некоей конструируемой группой нормы: отстающие в учебе (двоечники, «тормозы»), отличники (зубрилки, «ботаники»), страдающие заболеваниями, дети с ограниченными возможностями, заики, толстые и худые, хуже всех или немодно

одевающиеся и не имеющие современных мобильных устройств и других модных аксессуаров, любимчики учителей, дети с повышенной тревожностью, сензитивностью, гиперопекаемые родителями, ябеды, хвастуны, вруны, дети с выдающимися способностями, с отличающимися ценностями и культурными предпочтениями.

Спектр поводов для травли может быть различным, но масштабы распространения этого явления в молодежной среде, несмотря на его латентность, поражают [13]. В современных школах агрессия усиливается при использовании мобильных телефонов и Интернета. Физическое унижение объекта насилия снимается, выставляется в Интернете и рассылается на мобильные телефоны. Последствия травли могут быть разрушающими и приводить к формированию комплексов, психологическим и физическим травмам и нередко к суициду.

Данная ситуация обуславливает внедрение в образовательных учреждениях ведущих западных стран (прежде всего стран Евросоюза и США) антибуллинговых программ, нацеленных на создание комфортной школьной (а в идеале и домашней) среды, характеризующейся теплом, положительным интересом и вовлеченностью взрослых; твердыми рамками и ограничениями неприемлемого поведения; последовательным применением некарательных, нефизических санкций за неприемлемое поведение и нарушение правил; наличием взрослых, выступающих в качестве авторитетов и ролевых моделей [13].

Виктимизация в учебных и рабочих коллективах дополняется таким распространенным явлением, как боссинг, связанным с систематическим унижением или прессингом со стороны руководителя (учителя, тренера, воспитателя). Жертвами такого деструктивного влияния в трудовых коллективах часто становятся не только нарушители корпоративных норм и дисциплины, но и нелояльные и критикующие сотрудники, а также самодостаточные профессионалы, интеллектуалы, творческие люди, новички и другие уязвимые члены коллектива.

В школах с подобным давлением со стороны учителя могут столкнуться наиболее трудноуправляемые, активные, непоседливые ученики, чаще других нарушающие учебную дисциплину. Однако в нашей стране эта проблема не актуализирована и привлекает внимание общественности только после публикаций в средствах массовой информации (СМИ), показывающих случаи невероятной жестокости в отношении детей.

Кроме виктимизации реального социального пространства появился и ее виртуальный аналог. По мнению американского социолога М. Кастельса, в современном мире формируется и институционализируется «сетевое общество», образуя новый тип социальных отношений. Виртуальная виктимизация распространяется с быстротой пожара в сухой летний день, а ее последствия еще недостаточно изучены наукой.

Молодежь активно использует различные каналы СМИ и Интернет для реализации своих потребностей в сфере досуга. Можно согласиться с мнением М. К. Горшкова о том, что «информационно-коммуникативные технологии превращаются в существенный и всеобъемлющий элемент функционирования современного социума» [9, с. 485]. Современные средства массовой информации и коммуникации широко доступны для всех слоев общества независимо от социального статуса. СМИ обладают возможностью влиять одновременно на большие аудитории, транслируя определенные модели поведения, и порой конкурируют по своей значимости с межличностным общением [17, с. 11].

Интернет и виртуальная реальность становятся сегодня важными субъектами социализации молодежи, о чем свидетельствует стремительный рост молодежной интернет-аудитории. Так, в начале 2011 г. в стране насчитывалось 50,3 млн пользователей «всемирной паутины» старше 18 лет (при прогнозе 30 млн) [10].

Интернет и социальные сети способствуют развитию дистанционного, зачастую анонимного общения, интенсивной виртуальной коммуникации и интеллектуализации индивидуального досуга и в то же время подвергают молодых людей высокому риску манипуляции, создания потребительских клише и стереотипов [11]. Информационная свобода имеет немало побочных эффектов. Виртуальная реальность несет угрозы для неискушенных молодых людей, призывая посетить порносайты, посмотреть ролик с аварией или жесткой дракой. Через поисковые системы можно найти информацию о местах продажи наркотиков и даже приобрести их через Интернет или научиться изготавливать в домашних условиях, а можно получить всестороннюю информацию о способах совершения суицида. Мошенничество через мобильные телефоны и электронную почту, рассылка спама, вирусные атаки, кража денег, распространение наркотиков и курительных смесей становятся обыденными явлениями.

Одной из сложных латентных проблем остается проблема интернет-зависимости. Термин был введен в научный оборот в 1995 г. американским

психиатром А. Голдбергом, который, не вкладывая в него медицинский смысл (наподобие алкогольной или наркотической зависимости), понимал под ним поведение со сниженным уровнем самоконтроля, грозящее вытеснить нормальную жизнь [8].

Американская исследовательница К. Янг выделила пять основных типов интернет-зависимости [9, с. 519]:

- навязчивое пристрастие к работе с компьютером (играм, программированию или другим видам деятельности);
- компульсивная навигация по WWW, поиск в удаленных базах данных;
- патологическая привязанность к опосредованным Интернетом азартным играм, онлайн-аукционам или электронным покупкам;
- зависимость от социальных применений Интернета (общения в чатах, групповых играх и телеконференциях), приводящая к замене имеющихся в реальной жизни семьи и друзей виртуальными;
- зависимость от «киберсекса» (порнографических сайтов в Интернете, обсуждения сексуальной тематики в чатах или закрытых группах «для взрослых»).

«Зависание» в сетях, по-нашему мнению, является наряду с другими социальными отклонениями формой социальной дезадаптации, ухода от проблем и сложностей реальной жизни.

Социологические исследования показывают увеличение времени потребления молодежью аудио- и видеоинформации, полученной по различным каналам средств массовой коммуникации. Доступность, интенсивность и регулярность информационных потоков способствуют формированию зависимого поведения, аналогичного наркотической аддикции. Все большая часть времени отводится просмотру и прослушиванию, все меньшая – организованному социальному действию, чтению, интеллектуальной и развивающей деятельности. В этом отношении средства массовой коммуникации можно считать одним из наиболее эффективных и признанных социальных наркотиков.

Эти размышления позволяют сделать вывод о виктимизации молодежи не только в реальном, но и в виртуальном пространстве современного мира.

Виктимному поведению мы противопоставляем субъективацию поведения. *Процессу превращения в жертву может противодействовать процесс саморазвития и самоактуализации личности как активного, целерационального и рефлексивного субъекта деятельности.*

Субъектная личность обладает социальным и культурным капиталом для противодействия виктимным ситуациям. Такая личность как идеальный тип и должна стать итогом воспитательных усилий и виктимологических профилактических мер, предпринятых в институтах семьи и образования.

В силу целого ряда объективных факторов достаточно большим виктимологическим потенциалом обладают большие города. Они выполняют функцию каркаса расселения для взаимосвязи отдельных регионов на огромной территории России [12, с. 5]. Чем больше город, тем больше концентрирующийся в нем человеческий капитал и ресурсы, обеспечивающие качество жизни. С точки зрения социально-экологического подхода города развиваются как полифункциональные сложные трудноуправляемые территориальные организмы. В первую очередь это касается городов-миллионников и региональных центров.

Исследование урбанизма как особого образа жизни связывают с именем классика городской социологии Л. Вирта. Основные положения его концепции не потеряли своей актуальности и эвристичности при исследовании проблем современных крупных городов. Центральная проблема городской социологии, по мнению Л. Вирта, заключается в выявлении возможного влияния города на психологические и поведенческие реакции, исследовании «...форм общественного воздействия и организаций, которые нетипично возникают в относительно постоянных компактных поселениях, где проживает большое количество гетерогенных индивидуумов» [25].

В работе «Урбанизм как образ жизни» Л. Вирт доказывает, что численность, плотность и неоднородность (гетерогенность) населения находят свое выражение в особой городской культуре и образе жизни, формируя особый тип личности городского человека [25]. Последствием огромного размера города становится превращение его в мозаику «социальных миров», в котором ослабляются первичные контакты (отношения дружбы, родства).

Городской человек включен в сложную систему услуг и взаимодействий, его контакты имеют публичный характер и превращаются в преимущественно функциональные, поверхностные, ролевые отношения, обеспечивая тем самым «иммунитет» против нежелательных личностных контактов. Именно это имеют в виду, когда говорят, что для города характерны вторичные, а не первичные контакты. Замкнутость, безразличие, анонимность и скепсис, которые обнаруживают в своих взаимоотношениях горо-

жане, могут быть всего лишь средством самозащиты от личностных притязаний и ожиданий других людей [25]. Анонимность и эфемерность общения, городская дифференциация и сегрегация приводят к росту социальной дезорганизации, ослаблению социальной солидарности, снижению роли семьи и традиций в регулировании поведения людей. В городах усиливается мобильность, вовлеченность населения в деятельность различных социальных институтов. В силу этого темп жизни в городе выше, чем на неурбанизированных территориях, а безопасность населения ниже, социальные потрясения происходят чаще [15].

Концепция урбанизма Л. Вирта позволяет увидеть причины многих социальных проблем, проявляющихся наиболее остро в условиях современного города: адекватного социального контроля, девиантного поведения, культурных конфликтов, виктимизации населения.

Американский урбанист К. Линч с помощью метода индивидуального картографирования попытался выявить образ города и его влияние на поведение горожан. По его мнению, «общественный образ города создается наложением одного на другой множества индивидуальных. Однако не исключена возможность возникновения ряда общественных образов, каждый из которых вырабатывается значительной группой горожан. Такого рода групповые образы совершенно необходимы для того, чтобы индивид мог успешно функционировать в пределах своего окружения, вступая в эффективные контакты с себе подобными» [14]. Он полагал, что «подвижные элементы в городе, и особенно люди и их деятельность, столь же существенны, как его неподвижные материальные части. Мы не только зрители этого спектакля, мы сами – его участники» [14]. Ментальный образ города формирует ожидания и адекватные формы поведения его жителей.

А. Хантер выявил влияние на поведение горожанина феномена соседства как уникального образования, представляющего собой сцепленные звенья социально-пространственной организации, на которые воздействуют силы и институты огромного общества и рутина каждодневной жизни [5].

«Огромное разнообразие типов соседств породило многочисленные попытки их систематизации. Доналд и Рачел Уоррен предложили положить в основу типологизации соседств три различных измерения: самосознание (identity) – как много людей чувствуют, что они связаны с соседями; взаимодействия (interaction) – как сильно взаимодействие между соседями и как часто они ходят в гости друг к другу; взаимосвязи (linkages) – есть ли связи соседств с обществом вне их и какова природа этих связей» [5].

На основании этих критериев Уоррены идентифицировали шесть типов соседств: интегральное, приходское, диффузное, переходное, аномическое, «ступенчатое». Опираясь на предложенную типологию, М. Готдинер выделяет в современном американском городе следующие типы соседств:

1. *Этническая городская деревня* – наиболее близкая патриархальной общности Уорренов группа горожан с сильной доминирующей субкультурной ориентацией в повседневной жизни. Это стабильная коммуна с сильным самосознанием и высокой интенсивностью взаимодействия. Она занимает незначительное городское пространство и зачастую лишена определенного политического влияния. Соседство такого рода отличает высокая степень развития двух первых критериев и низкий уровень развития последнего. Подобные сообщества детально изучены многими социологами и городскими антропологами.

2. *Взаимодействующие соседства среднего класса*. Соседства такого рода характеризуются высокими показателями в каждом измерении. Они широко представлены в пригородах, населенных семьями среднего возраста. Названные общности также неплохо изучены.

3. *Диффузные соседства*. Они широко изучены в рамках исследований сетей взаимодействия горожан. Их отличает наличие сообщества без соседских взаимосвязей. В большинстве случаев оно имеет сильную направленность на внешние контакты с людьми вне пределов сообщества. В некоторых случаях толчок к росту самосознания членов сообщества, выработке общих ценностей и ритуалов дает чувство принадлежности к месту.

4. *Аномические соседства*. Такие соседства характерны для бедных районов города. Этот тип сообщества отличает низкий уровень избирательной активности и низкая степень организованности его членов, а также низкий уровень межсоседских контактов из-за боязни стать жертвами преступности, характерной для данных районов. Соседи такого рода отличаются низким уровнем развития всех трех критериев.

5. *Переходные соседства*. Резиденты в такого рода соседствах высокоомобильны. Они живут на одном месте до той поры, пока их устраивает потенциал данной территории (например, наличие хорошей школы для семей с детьми). Как только их перестает устраивать данное место (дети вырастают), они выбирают для жительства другое (ближе к местам отдыха в центральной части города). Соседи такого рода проявляют значительный интерес к ценностям места, в котором они живут, достаточно активно участвуют в делах сообщества. Соседства такого типа часто встречаются в пригородах.

6. *Оборонительные соседства.* Это часто встречающийся тип сообщества, в котором главной задачей является защита места проживания от внешней угрозы. В качестве таковой может быть попытка заселения района представителями иных расовых, национальных меньшинств или семьями более низкого статуса. Активную защитную реакцию вызывает также стремление властей или девелоперов реконструировать часть окружающего пространства. Сообщества такого типа отличает высокая интенсивность межсоседских контактов, высокая степень взаимодействия резидентов, а также нацеленность на внешние по отношению к сообществу цели. Зачастую контакты между соседями сохраняются и после их переезда на новое место жительства [5].

Исследования Уорренов показали, что соседство как устойчивое территориальное социальное окружение может выступать фактором социального контроля и программирования поведения горожанина. В благополучных районах проживания среднего класса криминогенная ситуация намного лучше за счет активности и равнодушия людей и их оперативного обращения в полицию в случае столкновения с нестандартной ситуацией. В маргинальных же районах, напротив, происходит виктимизация населения из-за особенностей субкультуры и ментальности ее представителей.

Проблемы современных городов связываются исследователями с формированием «массового общества». Ч. Р. Миллс, Д. Рисмен, Э. Фромм и др. фиксируют тенденции роста бюрократизации общественной жизни, централизации власти, возрастания конформизма и отчуждения личности на высокоурбанизированных территориях. Э. Фромм отмечает в связи с этим изменение социального характера в XX в., когда рациональный авторитет замещается анонимным, возникает новый тип личности, утрачивающей свое Я. Д. Рисмен видит основную особенность современного общества и человека в том, что они ориентированы вовне. С радикальным изменением социального характера связаны чувство тревоги, неуверенность в себе, которые пронизывают сознание людей XX в., превращение власти в аморфную и анонимную, стирание различий между элитой и массами.

Согласно У. Уайту, сформировавшееся в современных условиях «массовое общество» характеризуется господством организаций, появлением новой бюрократической, или организационной, этики, которая сменяет протестантскую и основные ценности которой состоят в формировании определенного типа личности – организационного человека, конформистского и инертного [20].

Г. Блумер, не довольствуясь обычной трактовкой «массового общества» как дезинтегрированного и дезорганизованного, пытается выявить особенности современной его разновидности. К ним он относит большую концентрацию населения, существование громадного правительственного аппарата, крупных экономических организаций. Важным признаком «массового общества» Г. Блумер считает расширение сфер, открытых для публичной деятельности, где люди выступают как огромная анонимная недифференцированная толпа. И наконец, «массовое общество» – это, в противоположность традиционному, непрерывно меняющееся общество. Э. Шилз видит сущность «массового общества» в тесной интеграции народных масс в системе социальных институтов, росте согласия членов общества, большей преданности существующим ценностям и институтам, усвоении массами господствующего морального порядка, создании единой культуры и стирании классовых и профессиональных различий [1, с. 37].

Определения понятия «город» различаются в зависимости от подхода или концепции. В социологии города и урбанистике можно выделить три направления понимания сущности города:

- эстетическое (изучение формы города). Например, специалист в области городского планирования К. Линч в книге «Образ города» все внимание сосредоточивает на визуальном образе города. Город представляет собой конструкцию в пространстве «...гигантского масштаба, нечто такое, что можно воспринять только за продолжительное время» [14];

- технологическое (инфраструктура и экономика города). Так, город, по М. Веберу, есть средоточие промышленности и торговли [6]. А по мнению А. Лефевра, города превращаются в «...коммерческие центры, напичканные товарами, деньгами и машинами» [23, с. 50];

- социальное (социальные общности и структура). К примеру, Л. Мамфорд считает, что «природа города не заключается в его экономической основе, город – это, прежде всего, социальное образование» [24, с. 6].

Учитывая различные подходы к определению понятия «город», попытаемся дать интегрированную дефиницию: *город* – это исторически сложившаяся, территориально локализованная форма организации жизнедеятельности общества [19], территориально концентрированная форма расселения людей, занятых преимущественно несельскохозяйственным трудом [17]. Город мы определяем как особую социальную территориальную общность, характеризуемую высокой концентрацией населения на

сравнительно небольшом пространстве, занятого преимущественно вне сферы сельского хозяйства: в промышленности, торговле, сферах обслуживания, быта, управления, науки и культуры [18].

Таким образом, анализируя литературу по урбанистике, можно выделить несколько качественных черт, которые исследователи пытаются отразить в определениях города:

1. Указание на пространственное скопление жилищ, людей, вещей, многообразие отношений. Как о дополнительных признаках говорится о долговременности скоплений, их пространственной организации, разнообразии архитектурно-планировочного облика.

2. Характеристика города через выявление специфической (городской) деятельности, которая определяется через перечисление ее видов (производственная, торговая, научная и т. д.), путем противопоставления (не сельскохозяйственная), указания на качественное своеобразие этой деятельности (интенсивная, разнообразная, дифференцированная и пр.).

3. Выделение городского образа жизни – понятия, отражающего своеобразие типов городской жизнедеятельности и ее условий.

4. Определение города как сообщества жителей (горожан). Указывается на существование различных социальных общностей в городе, отмечается разнообразие ролей и форм участия в общественной жизни. Город рассматривается как место существования и формирования социальных общностей. При этом он не сводится к совокупности индивидов, но считается неким обобщенным сообществом «...с собственным словарем, логикой и повесткой дня, более обширной и богатой, чем самый полный перечень индивидуальных забот и желаний» [3, с. 105].

5. Указание на официальный статус города и место в системе расселения. «Город – это тип поселения, обычно определяемый в соответствии с размером населения или административным статусом» [21, с. 516].

7. Определение города как специфической среды обитания (искусственно созданная среда, жизненная среда как целостность, система, взаимодействие различных сред: социальных, пространственных, экономических, культурных и т. д.).

В ценностном измерении город может рассматриваться как позитивное (концентрация учреждений науки, культуры, образования, а также коммуникаций) и негативное (источник преступлений, отклонений, девиаций) образование.

Проведенный анализ основных признаков, которые авторы приписывают городу, показывает, что дать такое определение города, которое могло бы впитать в себя все многообразие происходящих в нем процессов и явлений, достаточно сложно.

Социологическое определение понятия «город» делает акцент на городской социальной общности, сконцентрированной и осуществляющей жизнедеятельность на определенной территории, и на городских ролях в общественной жизни, а также на некоем символическом капитале города, который состоит из индивидуальностей его жителей, но не тождественен им.

Мегаполис – это город с населением более 1 млн человек. Отличительной чертой мегаполиса является не столько численность населения, сколько социальное и экономическое положение, особый статус, уровень и качество жизни населения, структура городского хозяйства, уровень инфраструктуры, культурные ресурсы (учреждения и объекты культуры, досуга, отдыха и развлечений, творческая индустрия), а также типичные проблемы: транспортные пробки, социальная сегрегация, интенсивность контактов, высокий темп жизни, конфликтные отношения (политические, экономические, идеологические).

В силу высокой плотности населения в мегаполисе фокусируется антропогенное воздействие на среду, поэтому вероятность появления различных проблем здесь значительно больше, чем на неурбанизированных территориях.

Екатеринбург, являясь мегаполисом, характеризуется высокой миграционной мобильностью и выступает конгломератом сосуществования различных этно- и субкультурных норм. В силу этого он является средоточием преступности и девиантности в Свердловской области. Основные социальные проблемы Екатеринбурга – расширение девиантных форм поведения, усиление депрессивных состояний, потеря квалификации, осложнение демографической ситуации, ослабление семейных отношений, рост девиантных объединений. По сведениям Уралинформбюро, в Екатеринбурге совершается 2 308 правонарушений в месяц, около 80 в день, 3 преступления в час [2]. Это только зарегистрированные преступления. Социологические исследования показывают, что не все пострадавшие обращаются в правоохранительные органы, а значит, количество совершенных преступлений на порядок больше. Лидируют среди зарегистрированных преступлений кражи и грабежи, часть из которых совершается наркоманами, нуждающимися в средствах для приобретения очередной дозы наркотиков.

Одним из главных направлений неэффективного расходования молодежного человеческого капитала остается его уход в деструктивные (в том числе преступные) сообщества, что еще более усиливает виктимизацию молодежи.

По данным многих социологов, людей влечет в мегаполисы широкий выбор мест работы, удобство городских квартир, карьерные возможности, наличие культурных объектов и детских учреждений, а также возможность выбора вариантов проведения свободного времени. Лицам, ведущим паразитический образ жизни, или преступникам в условиях мегаполиса предоставляется широкое поле для криминального поведения. Кроме того, в ситуации высокой концентрации людей легче избегать направленного социального контроля, скрываться от правоохранительных органов.

В Екатеринбурге значительную часть населения кроме постоянных жителей составляют приезжие: гости, туристы, транзитные пассажиры, маятниковые мигранты и другие категории населения. Приезжающие из других регионов не сразу привыкают к конкретным городским условиям, испытывая некоторые трудности адаптации, становясь потенциальными жертвами преступлений или вовлекаясь в криминальные сообщества.

Состояние культурной среды современного российского мегаполиса сегодня крайне противоречиво. Молодежь оказалась наименее защищенной в культурном отношении категорией населения и в значительной степени попала в своеобразный духовный вакуум, заполняющийся различного рода влияниями, разрушающими традиционные ценности русской национальной культуры, национальных культур народов, населяющих территорию России и всегда широко представленных в многонациональном мегаполисе.

Город, являясь сложным социально-территориальным образованием, характеризуется наиболее высокой по сравнению с неурбанизированными территориями социальной и миграционной мобильностью и неизбежно становится конгломератом сосуществования различных этно- и субкультурных норм. Анонимность и эфемерность общения, городская дифференциация и сегрегация, высокая плотность населения, интенсивный темп жизни и другие объективные обстоятельства превращают город в девиантогенное пространство, увеличивают риск виктимизации населения.

Молодежь в силу своих ментальных и социальных характеристик является группой риска виктимизации в большом городе, и этот фактор необходимо учитывать при организации учебно-воспитательного процесса

и профилактической работы со студентами. Под профилактической работой мы понимаем такую систему мер превентивного характера, которая была бы направлена на *создание условий для полноценного развития личности и ограничение факторов субъективного характера, провоцирующих виктимизацию молодежи.*

Опираясь на идеи девиантологов, мы разработали концепцию профилактики виктимного поведения молодежи и выделили в ней три уровня [7, с. 455–456].

Первый уровень – общесоциальная профилактика, включающая в себя воздействия на среду обитания и качество жизни: заботу о социальном благополучии горожан, создание защищающего пространства, безопасной городской среды, снижающей риски виктимизации. Сущностью этого подхода является система социально-экономических, общественно-политических, организационных, правовых и воспитательных мероприятий, которые проводятся государством, обществом, институтами социализации личности для устранения или минимизации причин девиантного и виктимного поведения.

К этому направлению можно отнести все мероприятия, повышающие уровень безопасности на социетальном уровне (создание условий для высокой восходящей социальной мобильности, повышение уровня жизни населения, сокращение разрыва между бедными и богатыми, продуманная и контролируемая политика привлечения гастарбайтеров, эффективная социальная политика, совершенствование законодательства, организация соседского контроля и взаимодействия населения с полицией, усиление освещенности улиц в ночное время, исключение небезопасного строительства жилых домов и дворов, реконструкция обширных неиспользуемых городских пространств и помещений, применение новейших технологий контроля безопасности, создание эстетически привлекательных и безопасных зон общения молодежи и другие воздействия на городскую среду, экологию, экономические, социальные, политические условия жизни населения, повышающие качество жизни и снижающие уровень преступности).

Второй уровень – специальная профилактика, целенаправленное воздействие на группы риска, понимаемое нами как активный поступательный процесс создания условий для формирования личных качеств, поддерживающих благополучие растущего человека, его субъектность. Поскольку молодежь является наиболее уязвимой группой, именно на нее и должна распространяться специальная профилактика. Основными принципами про-

филактической работы являются непрерывность, своевременность, последовательность. В большей своей части молодежь находится в образовательных организациях, поэтому специальная профилактика должна стать своеобразным инструментом менеджмента образовательной среды, специфической формой анализа условий ее комфортности (неагрессивности), способствующего выявлению факторов социальных рисков и выработке предложений по минимизации их воздействия. Суть его заключается в диагностике причин возникновения виктимизации и других социальных проблем, изучении процесса их развития и адекватных способов разрешения, разработке мер их предупреждения и минимизации негативных последствий.

Специальная профилактика в качестве основной цели рассматривает выявление, устранение и нейтрализацию причин различных негативных явлений в образовательной среде, и ее итогом должна стать саморазвивающаяся и самоактуализирующаяся личность как активный, целерациональный и рефлексирующий субъект деятельности и безопасного социального поведения. Образовательные организации путем создания комфортной профилактической среды и реализации специальных программ могут выступать субъектом превентивных воздействий, снижающим риск виктимизации.

Третий уровень – индивидуальная профилактика, выявление жертв агрессии во всех ее видах и реабилитационная работа с ними, разработка специальных коррекционных программ с привлечением медиков, психологов и других специалистов.

Поскольку безопасная и комфортная городская среда является некой идеальной конструкцией и в полной мере недостижима (хотя стремиться к этому надо), мы предлагаем пилотный проект обучения безопасному поведению студентов Российского государственного профессионально-педагогического университета (РГППУ) как группы будущих специалистов по работе с молодежью.

Студенты специальности 050501.65 Профессиональное обучение проходят педагогическую практику и часто впоследствии связывают свою профессиональную судьбу с работой в организациях начального (НПО) и среднего профессионального образования (СПО). Основной контингент данных учебных заведений относится к группе социального риска в силу преобладания учащихся со стойкими формами девиантного поведения. Девиантное поведение молодых людей (в любых проявлениях), нарушение моральных норм и ценностей, несформированная правовая и общая куль-

тура, неосмотрительность и легкомыслие, несоблюдение мер предосторожности провоцируют виктимизацию молодежи, ее вовлечение в опасные и криминальные ситуации.

Современная парадигма высшего образования предполагает использование компетентностного подхода в процессе обучения с учетом актуальных запросов социальной практики. Ситуация в организациях НПО и СПО актуализирует необходимость психолого-педагогической подготовки кадров в области проблем девиантного поведения, его профилактики и сопровождения несовершеннолетних. Данная логика приводит к необходимости обучения всех студентов специальности 050501.65 Профессиональное обучение по дополнительной программе «Профилактика виктимизации молодежи в городском пространстве». Полученные в ходе ее освоения знания и компетенции повысят уровень социальной безопасности обучающихся и в дальнейшем позволят им строить эффективную профилактическую работу, направленную на снижение уровня вовлеченности молодежи в виктимогенные ситуации. Данная программа требует финансирования в силу ее социальной важности. Основной целью программы является практическое и теоретическое изучение студентами проблем безопасности и предотвращения виктимизации молодежи в большом городе, а также формирование способностей субъектной личности. Программа включает четыре модуля:

1. Теоретические проблемы девиантного поведения молодежи и основ виктимологии – науки о роли поведения жертвы в совершении преступления.

2. Интерактивное обсуждение проблемы безопасности молодежи в городе с применением инновационных, имитационных и ролевых игр, закрепляющих установки на безопасное социальное поведение и минимизацию рисков виктимизации.

3. Проектный модуль – групповое моделирование и проектирование конкретных профилактических занятий и мероприятий с различными категориями молодежи.

4. Практический модуль – зачетное проведение профилактического занятия (мероприятия) в молодежной аудитории.

Итогом обучения должны стать актуализация проблемы виктимизации молодежи в городе, формирование у будущих специалистов моделей поведения, снижающих риски вовлечения в криминальные ситуации, профессиональных навыков исследования этой латентной социальной про-

блемы и навыков проведения профилактических мероприятий с молодежью. РГППУ обладает ресурсным потенциалом, необходимым для успешной реализации программы (уникальное сочетание специалистов в области девиантологии, социологии девиантного поведения, психологии, физиологии, педагогики и права; научные школы и гранты, связанные с исследованием проблем виктимизации и наркотизации молодежи).

После апробации пилотной программы планируется создание в Учебно-методическом объединении по профессионально-педагогическому образованию особой секции по проблемам модернизации программ подготовки специалистов в области профилактики виктимизации и девиантного поведения в системе профессионального образования и распространение данной программы на другие образовательные учреждения.

Список литературы

1. *Ашин Г. К.* Доктрина «массового общества» / Г. К. Ашин. Москва, 1971. 188 с.
2. *Бандитский Екатеринбург – около 80 преступлений ежедневно* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.uralweb.ru/news/n381271.html>.
3. *Бауман З.* Текущая современность / З. Бауман. Санкт-Петербург: Питер, 2008. 240 с.
4. *Блумер Г.* Символический интеракционизм / Г. Блумер; пер. Л. А. Журавлевой // Социологические парадигмы второй половины XX в.: хрестоматия / под ред. С. П. Мамаева. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2002. С. 88–104.
5. *Вагин В.* Социология города [Электронный ресурс] / В. Вагин. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Vagin/index.php.
6. *Вебер М.* История хозяйства. Город [Электронный ресурс] / М. Вебер. Москва: Канон-пресс-Ц, 2001. Режим доступа: http://www.glazychev.ru/bibliography/weber_gorod/weber_gorod_1.htm.
7. *Гишинский Я.* Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» / Я. Гишинский. Санкт-Петербург: Юридический центр-пресс, 2004. 520 с.
8. *Голдберг, Айвен* [Электронный ресурс] // Википедия: свободная энциклопедия. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>.
9. *Горшков М. К.* Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики) / М. К. Горшков. Москва: Новый хронограф, 2011. 672 с.

10. *Интернет* в России [Электронный ресурс]: методика и основные результаты исследования: аналитический бюллетень / Ин-т фонда «Обществ. мнение». Москва, 2011. Вып. 33. Режим доступа: http://bd.fom.ru/pdf/Internet_%20v_%20Rossii_%20vol_%2033_%20vesna_%202011_%20shotr.pdf.
11. Зоркая Н. Ценности и установки российской молодежи / Н. Зоркая // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2003. № 4 (66). С. 66–77.
12. Зубаревич Н. В. Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала / Н. В. Зубаревич // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 5–19.
13. Кон И. С. Что такое буллинг и как с ним бороться? / И. С. Кон // Семья и школа. 2006. № 11. С. 15–18.
14. Линч К. Образ города [Электронный ресурс] / К. Линч. Режим доступа: http://www.glazychychev.ru/books/translations/Linch/Linch_1.htm.
15. Николаев В. Г. Очерки Луиса Вирта по теоретической социологии / В. Г. Николаев // Личность. Культура. Общество. 2006. Т. 8, вып. 2 (30). С. 11–20.
16. Петухов В. В. Природа и культура / В. В. Петухов. Москва: Трифола, 1996. 134 с.
17. *Российская социологическая энциклопедия* [Электронный ресурс] / под общ. ред. Г. В. Осипова. Режим доступа: <http://voluntary.ru/dictionary>.
18. *Социологический энциклопедический словарь* / под ред. Г. В. Осипова. Москва: Инфра-М, 1998. 488 с.
19. *Социология* [Электронный ресурс]: энциклопедия / сост. А. А. Грицанов [и др.]. Режим доступа: <http://voluntary.ru/dictionary>.
20. Стрельцов Н. Н. Теоретические истоки и эволюция концепций «массового общества» / Н. Н. Стрельцов // Вопросы философии. 1970. № 12. С. 9–11.
21. Трубина Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства / Е. Г. Трубина. Москва: Новое литературное обозрение, 2011. 520 с.
22. Шнайдер Г. Й. Криминология: перевод с немецкого / Г. Й. Шнайдер. Москва: Прогресс-Универс, 1994. 504 с.
23. Lefebvre H. The Production of Space / H. Lefebvre. Oxford: Blackwell, 1991. 464 p.
24. Mumford L. The culture of the cities / L. Mumford. Westport: Greenwood Press Reprint, 1981. 586 p.
25. Wirt L. Urbanism, as way of life. [Electronic resource] / L. Wirt // Classical essays in urban culture. New York, 1969. Access mode: <http://www.urban-club.ru/?p=99>.